

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 1. С. 11–40.

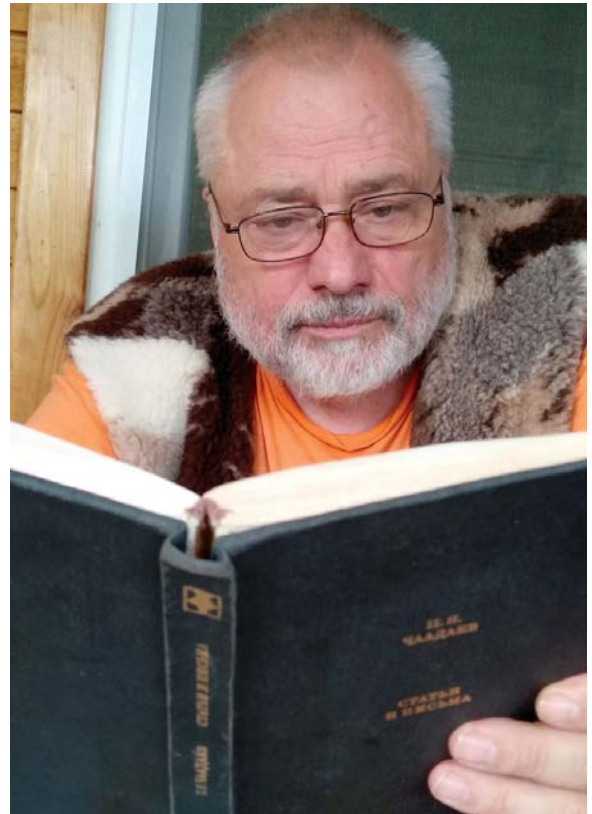
Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2023. Vol. 6, no. 1. P. 11–40.

Научная статья / Original article

УДК 821.161.1

doi:10.17323/2658-5413-2023-6-1-11-40

ЗАВЕТЫ КАРАМЗИНА

Владимир Карлович Кантор
Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия, vlkantor@mail.ru

Аннотация. В статье автор анализирует творчество великого русского историка, писателя и поэта Николая Михайловича Карамзина. Начиная с «Писем русского путешественника», современники воспринимали его как очевидного западника и сторонника республиканского правления. Именно он ввел в русский язык европейские слова «гуманность», «энергия», «катастрофа», обогатил язык словами-кальками, такими как «впечатление», «влияние», «влюбленность», «трогательный» и «занимательный». Именно он ввел в обиход слова «промышленность», «сосредоточить», «моральный», «эстетический», «эпоха»,

«сцена», «гармония», «будущность». Карамзин говорил, что русские люди спокойно могут принимать европейские новшества, ибо человек должен брать все лучшее, независимо от того, где оно возникло. Однако опыт Французской революции, ее чудовищная жестокость обратили Карамзина к опыту российского государства. Он становится сторонником и апологетом просвещенной самодержавной монархии, вызывая недовольство либеральных друзей. На все упреки Карамзин ответил своим великим трудом — «Историей государства Российского», когда, как писал Пушкин, Россия, казалось, «найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом». Да и Чаадаев, написавший инвективу России в «Философических письмах», любил Карамзина, восклицая: «Какая была возвышенность в этой душе, какая теплота в этом сердце! Как здраво, как толково любил он свое отечество!» Автор приходит к заключению, что русским мыслителям — Карамзину, Пушкину, Чаадаеву — удалось создать Россию как явление культурно-историческое силою своих слов. Все, что последовало далее, было результатом их невероятной инициативы.

Ключевые слова: Карамзин, история, Россия, Пушкин, Чаадаев, Европа, Французская революция, самодержавие

Благодарности: Статья подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

Ссылка для цитирования: Кантор В. К. Заветы Карамзина // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2023. Т. 6, № 1. С. 11–40. doi:10.17323/2658-5413-2023-6-1-11-40.

From the Editor

PRECEPTS OF KARAMZIN

Vladimir K. Kantor

National Research University “Higher School of Economics” (HSE University),
Moscow, Russia, vlkantor@mail.ru

Abstract. In the article, the author analyzes the work of the great Russian historian, writer and poet Nikolai Mikhailovich Karamzin. Starting with the “Letters of

the Russian Traveler”, his contemporaries perceived him as an obvious Westerner and supporter of republican rule. It was he who introduced the European words “humanity”, “energy”, “catastrophe” into the Russian language, enriched the language with tracing words such as “impression”, “influence”, “love”, “touching” and “entertaining”. It was he who coined the words “industry”, “focus”, “moral”, “aesthetic”, “epoch”, “stage”, “harmony”, “future”. Karamzin said that Russian people can safely accept European innovations, because a person should take the best, regardless of where it originated. However, the experience of the French Revolution, its monstrous cruelty turned Karamzin to the experience of the Russian state. He becomes a supporter and apologist of the enlightened autocratic monarchy, causing discontent among liberal friends. Karamzin answered all the reproaches with his great work — “The History of the Russian State”, when, as Pushkin wrote, Russia seemed “to be found by Karamzin, as America was found by Columb”. And Chaadaev, who wrote an invective of Russia in Philosophical Letters, loved Karamzin, exclaiming: “What was the sublimity in this soul, what warmth in this heart! How sensibly, how sensibly he loved his fatherland!” The author comes to the conclusion that Russian thinkers — Karamzin, Pushkin, Chaadaev — managed to create Russia as a cultural and historical phenomenon by the power of their words. Everything that followed was the result of their incredible initiative.

Keywords: Karamzin, history, Russia, Pushkin, Chaadaev, Europe, French revolution, autocracy

Acknowledgments: The article was prepared within the framework of the Basic Research Program at the National Research University “Higher School of Economics” (HSE University).

For citation: Kantor, V. K. (2023) “Precepts of Karamzin”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 6(1), pp. 11–40. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2023-6-1-11-40.

Многие помнят и даже с некоторой гордостью цитируют гениальные слова Тютчева о том, что навстречу империи Карла Великого поднялась империя Петра Великого. То есть навстречу Западной Европе явилась «другая Европа». Все так, но Тютчев бесспорно понимал ужас временного разрыва между этими двумя империями и Европами. Карл Великий был провозглашен императором папой Львом III в 800 году.

Петр I почти на тысячу лет позже. 2 ноября 1721 года он принял титул Императора Всероссийского. После заключения Ништадтского мира, завершившего войну против Швеции, сенаторы поднесли государю прошение с просьбой принять титулы «Великого, Отца Отечества и Императора Всероссийского». Победа над шведами стала формальным поводом для обновления статуса России.

Когда короновался Карл Великий, России еще не было. Как правило, отечественная историография отсчитывает начало государства с 862 года. Знаменитая скульптура М. Микешина

на 1862 года в Великом Новгороде посвящена тысячелетию России. Она берет даты 862–1862 годы. На памятнике изображен Карамзин (читатель увидит его облик в конце статьи), и это не случайно, как не случайно историческое на-

В базилике Святого Петра папа Лев III возлагает императорскую корону на голову Карла

Б. А. Чориков. Провозглашение Петра I императором. Книжная иллюстрация первой половины XIX века

чало моей статьи, поскольку Карамзина можно понять лишь в контексте не только русской, но большой европейской истории.

За этот период Западная Европа пережила крестовые походы, религиозные войны, Возрождение, протестантизм как оппозицию католицизму, доработалась в теории до идеи «вечного мира», открыла Америку, куда ринулись десятки тысяч европейцев, обрушившихся, по словам Чаадаева, «на племена Северной Америки, которые искореняет с таким усердием материальная цивилизация Соединенных Штатов» [Чаадаев, 1991, т. 1, с. 329], пережила промышленную революцию, построила управляемый деньгами мир. Читая на заре университетской юности Чаадаева, я — и не только я, думаю, — смотрел на противопоставление Европы и России, а слова об истребляемых племенах Северной Америки проскакивал глазами: в голове был туман Майн Рида и Фенимора Купера. Но в последние десятилетия с уничтожением Ливии, бомбежкой Белграда, провокативной прокси-войной на Украине вдруг высветились и эти слова Чаадаева. Однако я бы остановился на ужасе Чаадаева, который так характеризовал пропасть между Россией и Западом: «Сначала дикое варварство, затем грубое суеверие, далее — иноземное владычество, жестокое, унижительное, дух которого национальная власть впоследствии унаследовала, — вот печальная история нашей юности» [Там же, с. 324].

И это справедливо. До Петра Великого Московская Русь воспринималась западными путешественниками почти как дикая Африка, где были свои владыки. Жизнь в ней текла вне всяких норм, как в захваченной неприятелем стране, поскольку не было никаких гарантий жизни и собственности. Западным путешественникам казалось, что это навсегда. Но, как писал Пушкин, случай — мгновенное и мощное орудие провидения — решает многое. Необходим был культурный герой, из тех, которых знали все народы, начиная от Гильгамеша, Тесея, Геракла и до Карла Великого. Интересно, что, рассуждая о судьбе России, три русских мыслителя — Карамзин, Пушкин, Хомяков — независимо друг от друга употребили одну и ту же формулу: «Явился Петр». Петр Великий как явление и культурный герой! Как политическая и военная сила Россия вошла в Европу при Петре.

Чернышевский писал:

...цель Петра была гораздо проще, практичнее, сообразнее с его положением и понятиями. Ему нужно было сильное регулярное войско, которое умело бы драться не хуже шведских и немецких армий; ему нужно было иметь хорошие литейные заводы, пороховые фабрики; он понимал, что элементы военного могущества ненадежны, если его подданные сами не обучатся вести военную

часть, как ведут ее немцы, если мы останемся по военной части в зависимости от иностранных офицеров и техников; стало быть, представлялась ему надобность выучить русских быть хорошими офицерами, инженерами, литейщиками. Раз пошедши по этой дороге, занявшись мыслью устроить самостоятельное русское войско в таком виде, как существовало войско у немцев и шведов, он по своей энергической натуре развил это стремление очень далеко и, заимствуя у немцев или шведов военные учреждения, заимствовал, кстати, мимоходом и все вообще, что встречалось его взгляду.

[Чернышевский, 1950, с. 611]

Но все было не так просто. Напомню, что первые всходы европейской культуры мы наблюдаем в Античности, где росли города-полисы. Полисы воевали друг с другом, но дело не в войнах, а в том, как греки интеллектуально сумели их переварить. Ведь был Гомер, а затем историк Геродот, написавший о Греко-персидских войнах, давший начало греческому самосознанию. Если бы не было Геродота, Эсхила, Аристофана, Платона и других древнегреческих гениев, мы бы не знали Древней Греции, она прошла бы, как проходили десятки и сотни других государств. А в России? Как писал Карамзин,

согласимся, что деяния, описанные Геродотом, Фукидидом, Ливием, для всякого не Русского вообще занимательнее, представляя более душевной силы и живейшую игру страстей: ибо Греция и Рим были народными Державами и просвещеннее России; однако ж смело можем сказать, что некоторые случаи, картины, характеры нашей Истории любопытны не менее древних. Таковы суть подвиги Святослава, гроза Батыева, восстание Россиян при Донском, падение Новгорода, взятие Казани, торжество народных добродетелей во время Междоцарствия. Великаны сумрака, Олег и сын Игорев; простосердечный витязь, слепец Василько; друг отечества, благолюбивый Мономах; Мстиславы *Храбрые*, ужасные в битвах и пример незлобия в мире; Михаил Тверский, столь знаменитый великодушною смертию... первосвятитель Филарет с Державным сыном, светоносцем во тьме наших государственных бедствий, и Царь Алексий, мудрый отец Императора, коего назвала Великим Европа. Или вся Новая История должна безмолвствовать, или Российская иметь право на внимание.

[Карамзин, 1993, с. 7]

Пушкин писал, что «успех народного преобразования был следствием Полтавской битвы, и европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы» [Пушкин, 1951, с. 307–308]. Но Карамзин стал тем, кто совершил интел-

Николай Михайлович Карамзин (1766–1826)

лектуальное утверждение европейских ценностей, которые создали из дикого Калибана волшебника Просперо. Иными словами, создал культурный смысл России. Но как возник сей Просперо?

Шел взрывной XVIII век, когда Россия невероятным усилием оказалась в состоянии воспринять высшие достижения западноевропейской культуры. Стоит вспомнить, что крупнейшие западные мыслители (французские энциклопедисты) назвали русскую императрицу философом на троне. Петр воздвиг непобедимый город европейской культуры — Санкт Петербург, в котором по совету Лейбница император создал академию. А в «порфиноносной

вдове» — Москве открыла университет дочь Петра императрица Елизавета Петровна. Строительство городов в России продолжила Екатерина II. Страна становилась городской, цивилизованной. Это был, бесспорно, взрыв, внезапно включивший Россию в число европейски ориентированных стран.

В 1767 году Екатерина обнародовала свой «Наказ», обращенный к комиссии по составлению нового Уложения, глава первая которого начиналась словами: «Россия есть Европейская держава» [Императрица Екатерина II, 2003, с. 72]. Вряд ли все собравшиеся осознали повелительный напор в словах императрицы. К тому же степные помещики, тем более провинциальные, мало охоты имели к учебе. Но были и другие: небогатый дворянин из Симбирска стал человеком не менее, если не более образованным, чем самые образованные европейцы. Речь я веду о Николае Михайловиче Карамзине.

В 1778 году, в возрасте 12 лет, отец отправляет его в пансион профессора Московского университета Иоганна Шадена, где молодой человек изучает немецкий и французский языки. Еще через три года он начинает посещать лекции знаменитого профессора эстетики Ивана Шварца в Московском университете. Потом он общался с масонами, вошел в ближний круг Николая Новикова — книжника, издателя, масона. Карамзин усердно читает Руссо, Стерна, Гердера, возможно и Канта. В 1792 году он публикует в «Московском журнале» шедевр

О. А. Кипренский (1782–1836) — художник-романтик XIX века. Он пишет свою «Бедную Лизу» в 1827 году. Многие отмечали, что он в этой работе милосердием своим превзошел Н. М. Карамзина. Если писатель сентиментален в изображении своей бедной Лизы, то Кипренский романтичен. О. А. Кипренский на обороте холста написал: «Навеяно повестью Карамзина»

написана до брака и за десять лет до смерти Елизаветы Ивановны.

Пока же замечу, что едва ли не первый русский европеец Карамзин все время чувствует себя в пространстве европейской интеллектуальной истории. Его постоянная ориентация на античную Грецию и Рим создавала тот уровень, с которого он смотрел на Россию и Европу. И в статьях, и в прозе. К примеру, фраза из любимой молодежью его времени повести «Остров Борнгольм» (1794). Рассказчик плывет на корабле и меланхолично замечает: «*Nil mortalibus arduum est*» — «Нет для смертных не-

русского сентиментализма «Бедную Лизу» — повесть, родившую так называемый «лизин текст».

Лизы — отныне героини Пушкина, Тургенева, Достоевского. Бедная Лиза утопилась в пруду около Симонина монастыря на окраине Москвы. Многие девушки, пережившие несчастную любовь, пытались там же свести счеты со своей несложившейся жизнью. Именно в этой повести прозвучали слова, что и крестьянки любить умеют. Спустя четыре десятка лет на этот посыл ответил Пушкин в «Барышне-крестьянке». Но об этом позже.

Существует легенда, что героиню Карамзин назвал Лизой в честь своей безвременно умершей первой жены (1801–1802) Елизаветы Ивановны Протасовой (1767–1802). Но повесть была

О. А. Кипренский. «Бедная Лиза»

Первая жена Карамзина. Николай Михайлович в 1801 году женился на Елизавете Ивановне Протасовой (она была в родстве с семейством В. А. Жуковского). Но уже в 1802 году она скончалась, оставив маленькую дочь Софью

возможного”, — думал я с Горацием, теряясь взором в бесконечности Нептунова царства» [Карамзин, 1964, т. 1, с. 664]. Русские читатели Карамзина понимали и принимали этот настрой и уровень писателя. Стоит привести слова поэта и героя 1812 года Федора Глинки:

Прочитав *первые* опыты Карамзина, я поступил в 1-й кадетский корпус и на первом шагу встретился с славою и уже последующими опытами Николая Михайловича.

Кадеты и рекреационные часы и в классах, заслоняясь лавкою, тишком и украдкою читали и вытверживали наизусть музыкальную прозу и стихи, так легко укладывавшиеся в памяти. Смело могу сказать, что из 1200 кадет редкий не повторял наизусть какой-нибудь страницы из «Острова Борнгольма». И это уважение, эта любовь к Карамзину доходила до того, что во многих кадетских

кружках любимым разговором и лучшим желанием было: «Как бы пойти пешком в Москву поклониться Карамзину!»

[Глинка, 1990, с. 444]

Говоря современным языком, после «Бедной Лизы» Карамзин становится литературной звездой. Но перед повестью он неожиданно для многих уезжает вдруг в 1789 году в Европу, откуда возвращается с поразительной книгой «Письма русского путешественника». «Письма» он начал публиковать в 1796 году. А его знаменитая повесть написана после возвращения из Европы, но до книги писем. Слава пришла, но он, видимо, хотел большего. Решал проблему от-

Сергиев пруд. Симонов монастырь. Рисунок К. И. Рабуса

Иммануил Кант (1724–1804)

Жан-Жак Руссо (1712–1778)

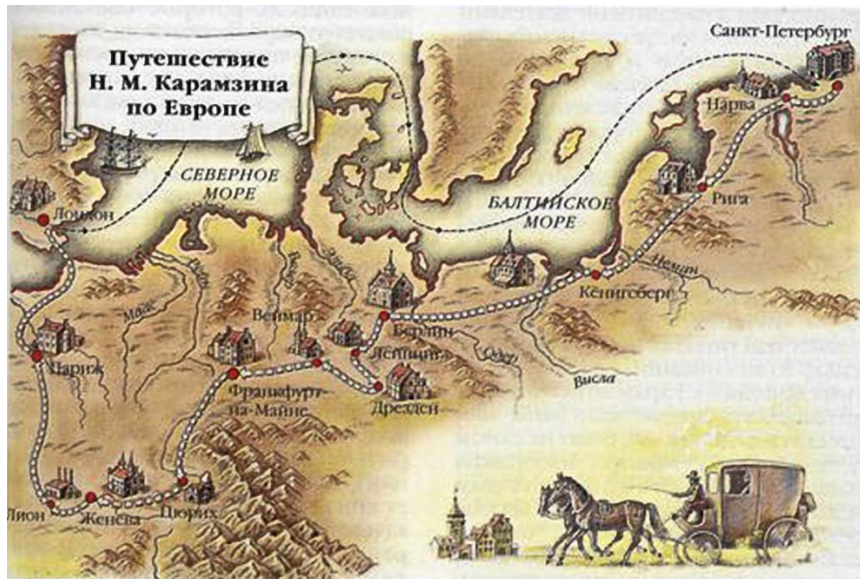
ношения двух культур, ведь книга именно об этом. Является ли Россия частью Европы?

Нельзя забывать и то, о чем напоминает Лотман:

Карамзин был современником великих исторических событий: первые его сознательные впечатления были связаны с восстанием Пугачева, предсмертные размышления — с 14 декабря 1825 года. Решающий этап его политического развития совпал с Великой французской революцией. Возвышение и падение Наполеона совершилось на его глазах. Убежденный противник войн, он готовился сражаться у стен Москвы и был в числе последних, покинувших ее стены.

[Лотман, 1987, с. 15]

Это не могло не структурировать ум и душу человека, он рано повзрослел и помудрел. Напомню, что до Карамзина европейские путешественники описывали дикую Россию как вариант белой Африки. Карамзин совершил ментальный, почти коперниканский переворот. Он описал со всем уважением европейский Запад, но это уважение покоилось на понимании себя как русского, который не ниже европейца. Европа перестала быть центром, вокруг которого вертелось человечество, хотя и осталась весьма важным моментом исторической жизни.

Прежде чем снова вернуться к Карамзину, хочу, чтобы читатель осознал: помимо взрывного XVIII столетия, Россия пережила три таких взрывных периода. Следом за XVIII веком пришел XIX, когда Россия дала своего Гомера и свою Илиаду («Войну и мир» Льва Толстого), а также писателя, масштабом и глубиной сравнимого с Библией (как писал Гадамер, есть два великих текста — Библия и Достоевский). В начале XX века страна («русская Америка», по словам Александра Блока) экономически догнала Европу, а в культуре стала, по сути дела, законодательницей: Чехов, Бунин, Мережковский, русская музыка, русская живопись, салоны Дягилева и т. д. Все это обрушила затеянная Западом Первая мировая война.

Итак, «Письма русского путешественника». Книга моментально стала бомбой. Что же Карамзин увидел и отметил в Европе? Вдруг русский из объекта наблюдения стал субъектом, наблюдающим и оценивающим вчерашних учителей. Он общался с Кантом, Виландом, Гердером и другими знаменитостями тех лет. Но в начало своих писем, писем *русского* путешественника, он вставляет эпизод, задающий определенный тон всей книге:

Между тем вышли на берег два Немца, которые в особой кибитке едут с нами до Кенигсберга; легли подле меня на траве, закурили трубки, и от скуки начали бранить Руской народ. Я, перестав писать, хладнокровно спросил у них, были ли они в России далее Риги? Нет, отвечали они. А когда так, государи мои, сказал я, то вы не можете судить о Руских, побывав только в пограничном городе. Они не рассудили за благо спорить, но долго не хотели признать меня Руским, воображая, что мы не умеем говорить иностранными языками. Разговор продолжался. Один из них сказал мне, что он имел щастие быть в Голландии,

и скопил там много полезных знаний. «Кто хочет узнать свет, говорил он, тому надобно ехать в Роттердам. Там-то живут славно, и все гуляют на шлюпках! Нигде не увидишь того, что там увидишь. Поверьте мне, государь мой, в Роттердаме я сделался человеком!» — Хорош гусь! думал я — и пожелал им доброго вечера.

[Карамзин, 1984, с. 12]

Вот эта интонация легкой иронии как бы задает тон всей книге. И ее читали легко, вздохнув, русский путешественник не преклонялся, не восхищался, не умилялся, он чувствовал себя на равных с Европой. Это же чувство посещало и читателя.

Согласимся с исследователем, замечательным отечественным историком:

В сознании Карамзина вопрос об отношении национального и общечеловеческого, конечно, существовал, но совсем не имел старой остроты и мучительности и обратился в простую теоретическую тему. В произведениях своих Карамзин вовсе упразднил вековое противоположение Руси и Европы как различных и непримиримых миров; он мыслил Россию как одну из европейских стран и русский народ как одну их равнокачественных с прочими наций. Он не клял Запада во имя любви к Родине, а поклонение западному Просвещению не вызывало в нем глумления над отечественным невежеством.

[Платонов, 2012, с. 377]

Приведу еще один отрывок — описание его визита к Канту. Молодой русский дворянин (23 года!) вежлив, любезен, но при этом сохраняет безусловное чувство собственного достоинства.

Вчера же после обеда был я у славного Канта, глубокомысленного, тонкого Метафизика, который опровергает и Малербранша и Лейбница, и Юма и Боннета, — Канта, которого Иудейской Сократ, покойный Мендельзон, иначе не называл, как *der alles zermalmende Kant*, т. е. *все сокрушающий Кант*. Я не имел к нему писем; но смелость города берет — и мне отворились двери в кабинет его. Меня встретил маленькой, худенькой старичек, отменно белый и нежный. Первые слова мои были: «Я Руской Дворянин, люблю великих мужей, и желаю изъяснить мое почтение Канту»...

Он записал мне титулы двух своих сочинений, которых я не читал: *Kritik der praktischen Vernunft* и *Metaphysik der Sitten* — и сию записку буду хранить как священный памятник.

Дом Карамзина в Царском Селе

Вписав в свою карманную книжку мое имя, пожелал он, чтобы решились все мои сомнения; потом мы с ним расстались.

[Карамзин, 1984, с. 20–21]

Но вернемся к ответу Пушкина на «Бедную Лизу», пока читатель не забыл эту тему. Пушкин в «Повестях Белкина» публикует «Барышню-крестьянку». Когда 20 лет назад я попал в Университет Огайо (США) на конференцию, ко мне вдруг обратилась тамошняя дипломница-славистка: как понимать эту повесть? Я ей ответил, что это спор с Карамзиным, с которым Пушкин, по сути дела, беседовал всю жизнь. Кстати, не забудем, что они какое-то время были соседями в Царском Селе. Пушкин как лицеист, а Карамзин как придворный историограф. Знакомство Пушкина с Карамзиным произошло в Царскосельском лицее 25 марта 1816 года.

Пушкин не раз бывал у историка в гостях, совсем по-дружески. По версии Юрия Тынянова, даже влюбился в его жену, которая была вдвое старше юного поэта, и имел дерзость объясниться ей. Карамзин и Екатерина Андреевна пожурили его, но друзьями они остались. Известно, что умирающий поэт позвал ее, чтобы проститься. Если это была не любовь, то по крайней мере глубокая сердечная привязанность.

«Бедная Лиза» уже написана, Пушкин еще юный повеса, вроде героя его повести, хотя уже начинающий ценить великого историка. Он увидел то, что издали мог не разглядеть: внутреннюю силу этого человека, который в разгар потрясающего литературного успеха отказался от фимиама, решая свои про-

Лицей в Царском Селе

блемы. Позднее и Пушкин найдет в себе силы уйти от модного успеха, более того — погрузиться в неуспех, делая свое дело. Пример великого историка был перед глазами. Но он не боялся спорить с Карамзиным. Великий историк и писатель требовал соразмышления. Не только «Борис Годунов» написан после внимательного чтения и конспектирования «Истории...», но и проза Карамзина эхом отзывалась в текстах младшего друга.

Его мудрый ответ был написан в 1830 году, в эпоху Болдинской осени. Барышне Лизе, чтобы понравиться юному красавцу, соседу-помещику, пришлось нарядиться крестьянской девушкой Акулиной. Барин любил повозиться с молодыми крестьянками, как рассказывает Лизе ее служанка Настя:

...этакого бешеного я и сроду не видывала. Вздумал он с нами в горелки бегать.

— С вами в горелки бегать! Невозможно!

— Очень возможно! Да что еще выдумал! Поймает, и ну целовать!

— Воля твоя, Настя, ты врешь.

— Воля ваша, не вру. Я насилу от него отделалась. Целый день с нами так и провозился.

— Да как же говорят, он влюблен и ни на кого не смотрит?

— Не знаю-с, а на меня так уж слишком смотрел, да и на Таню, приказчикову дочь, тоже; да и на Пашу колбинскую, да грех сказать, никого не обидел, такой баловник!

[Пушкин, 1950, т. 6, с. 150–151]

Лизе он нравится, но как к нему подступиться? И она одевается крестьянкой.

...Ах, Настя! Знаешь ли что? Наряжусь я крестьянкою!

— И в самом деле; наденьте толстую рубашку, сарафан, да и ступайте смело в Тугилово; ручаюсь вам, что Берестов уж вас не прозевает.

— *А по-здешнему я говорить умею прекрасно* (курсив мой. — В. К.). Ах, Настя, милая Настя! Какая славная выдумка! — И Лиза легла спать с намерением непременно исполнить веселое свое предположение.

[Там же, с. 151]

И язык у простого народа другой, но Лиза знает этот язык. Она приглянулась молодому соседу.

Привыкнув не церемониться с хорошенькими поселянками, он было хотел обнять ее; но Лиза отпрыгнула от него и приняла вдруг на себя такой строгий и холодный вид, что хотя это и рассмешило Алексея, но удержало его от дальнейших покушений... Лиза призналась, что поступок ее казался ей легкомысленным, что она в нем раскаивалась, что на сей раз не хотела она не сдерживать данного слова, но что это свидание будет уже последним и что она просит его прекратить знакомство, которое ни к чему доброму не может их довести. Всё это, разумеется, было сказано на крестьянском наречии; но мысли и чувства, необыкновенные в простой девушке, поразили Алексея.

[Там же, с. 154–157]

Мысли и чувства образованной, духовно живущей барышни не могли быть у крестьянки, и это несоответствие поразило героя. Крестьянки умеют любить, ответил Карамзину Пушкин, если они барышни. То есть натуры культивированные, ибо только барышня имеет развитые чувства для настоящей любви, а не просто деревенского траха. Кстати, американская славистка, все это записала и с успехом защитила диплом. О народе Пушкиным в «Медном всаднике» сказано:

Уже по улицам свободным
С своим бесчувствием холодным
Ходил народ.

[Пушкин, 1950, т. 4, с. 390]

Но до знакомства юного поэта с Карамзиным произошли важные геополитические события, в которых проявилось испытание на прочность русского европеизма, — европейское нашествие на Россию, нашествие армии Наполеона, армии, где солдаты были из разных стран, неслучайно современники называли эту войну «нашествием двенадцати языков». Среди войска Наполеона, кстати, было много поляков. «Великие наши усилия, — писал императору в 1811 году Карамзин, — имев следствием Аустерлиц и мир Тильзитский, утвердили господство Франции над Европою и сделали нас чрез Варшаву соседями Наполеона» [Карамзин, 1991, с. 54]. Любопытно, что Наполеон называл свое нападение на Россию «второй польской войной» и объявил решение напасть на Россию ровно 22 июня. Как писал Пушкин, бывают странные сближения.

Строго говоря, с Наполеоном против России шла не только Польша, но практически вся Европа. И Россия этот удар выдержала. Воспитанные на галльском наречии, русские образованные дворяне в свои очень юные года возглавили войну против Наполеона и подвластной ему Европы. Скажем, воспринимаемый всеми как западник и кабинетный мыслитель, Петр Чаадаев был одним из героев войны 1812 года. После Бородинского сражения его за мужество наградили званием прапорщика и орденом Святой Анны. Позже ему был вручен Кульмский крест за участие в знаменитой и жестокой штыковой атаке под Кульмом в 1813 году.

Карамзин был в 1812 году в Москве и писал, что он не выедет из города, пока все не решится, отправил жену и детей в Ярославль и хотел вступить в ополчение. Ему пришлось выехать из первопрестольной, в которую на следующий день вошли французы. Но уже в ноябре солдаты некогда великой армии отступали, почти бежали. Наполеон чудом уцелел при переправе через реку Березину.

Интересно, что от «Бедной Лизы», опосредованно, конечно, идет Лев Толстой и русское народничество с их патологической любовью к крестьянству, а от Пушкина — трезвость бунинского и чеховского текста, которые описывали (особенно Бунин) и высокую любовь, и секс с крестьянками.

Но руссоистская «Бедная Лиза» написана в 1792 году, а в 1802 году, уже посетив Европу и пережив Французскую революцию, он пишет очень резкую критику Руссо в обширной статье «Нечто о науках, искусствах и просвещении». Напомню, что французское просвещенное меньшинство разбудило толпу и начало кровавую Французскую революцию. Якобинцы видели своего предшественника в великом Руссо, отвергшем науку и культуру, как позднее предшественником большевиков стал руссоист Лев Толстой с его великим отказом от всех завоеваний цивилизации, которая-де не нужна народу. Карамзин сумел разделить Руссо-художника и Руссо-мыслителя:

Добрый Руссо! Ты, который всегда хвалишь мудрость природы, называешь себя другом ее и сыном и хочешь обратить людей к ее простым, спасительным законам! Скажи, не сама ли природа вложила в нас сию живую склонность ко знаниям? Не она ли приводит ее в движение своими великолепными чудесами, столь изобильно вокруг нас рассеянными? Не она ли призывает нас к наукам?

[Карамзин, 1964, т. 2, с. 124]

Карамзин еще республиканец, создает повесть «Марфа-посадница» о защитнице новгородской вольности. Хотя он добавляет, что Марфа была благородна, но закономерность истории вела к монархии. Трагедия Франции убеждала его, что перевороты чаще всего оказываются катастрофой для страны.

С 1803 года Карамзин становится официальным историографом по решению императора и принимается за написание «Истории государства Российского». Это было очередное ВДРУГ, как и поездка в Европу, почти монашеский постриг, только работа в архивах. Он никогда не работал с рукописями, тем более древними. В 1803 году император Александр I, даровав Карамзину звание историографа, приказал открыть ему все библиотеки и архивы. В этой работе писателю очень помогала его вторая жена.

Вторая жена Карамзина. Екатерина Андреевна Кольванова (Карамзина) (1780–1851) славилась не только красотой, но и умом. Она помогала мужу работать над «Историей...». Художник Ж. А. Беннер. 1817

До последнего дня жизни Николай Михайлович работал над самым главным своим трудом. Трактат охватывает события от древнейших времен до Смутного времени, 12 томов. Первые восемь вышли в 1818 году, следующие три были опубликованы в 1821–1824 годах. Последняя часть «Истории...» увидела свет после смерти Карамзина. Этот труд стал национальным событием. Думаю, что задачей историка прежде всего было создать реальный образ России для Европы, и кроме того, чтобы соотечественники стали сознать себя, стали лицами поименованными, принадлежащими великой стране.

Существенно указать на пафос, с которым он взялся за свою «Историю государства Российского». Он понимал, что дает своей Родине духовную опору. В 1802 году он так излагает свое кредо:

Самая лучшая философия есть та, которая основывает должности человека на его счастии. Она скажет нам, что мы должны любить пользу отечества, ибо с нею неразрывна наша собственная; что его просвещение окружает нас самих многими удовольствиями в жизни; что его тишина и добродетели служат щитом семейственных наслаждений; что слава его есть наша слава; и если оскорбительно человеку называться сыном презренного отца, то не менее оскорбительно и гражданину называться сыном презренного отечества. Таким образом, любовь к собственному благу производит в нас любовь к Отечеству, а личное самолюбие — гордость народную, которая служит опорой патриотизма. Так греки и римляне считали себя первыми народами, а всех других — варварами; так англичане, которые в новейшие времена более других славятся своим патриотизмом, более других о себе мечтают.

Я не смею думать, чтобы у нас в России было немного патриотов; но мне кажется, что мы излишне смиренны в мыслях о народном своем достоинстве, а смирение в политике вредно.

Кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут.

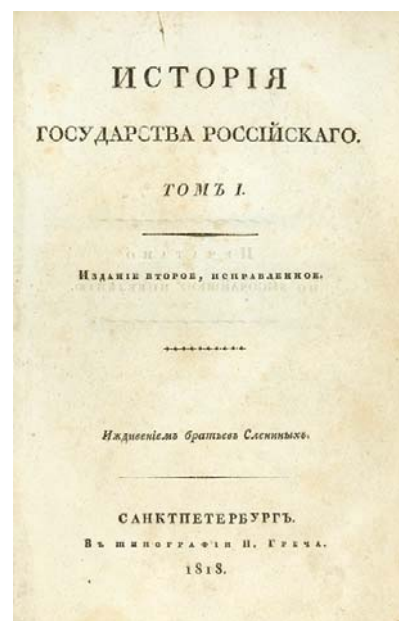
Не говорю, чтобы любовь к Отечеству должна была ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всем лучше; но русский должен, по крайней мере, знать цену свою. Согласимся, что некоторые народы вообще нас просвещеннее: ибо обстоятельства были для них щастливее; но почувствуем же и все благодеяния судьбы в рассуждении народа российского; станем смело наряду с другими, скажем ясно имя свое и повторим его с благородною гордостью.

[Карамзин, 2013, с. 197]

Пушкин писал:

Это было в феврале 1818 года. Первые восемь томов *Русской истории* Карамзина вышли в свет. Я прочел их в моей постеле с жадностью и со вниманием. Появление сей книги (так и быть надлежало) наделало много шуму и произвело сильное впечатление, 3000 экземпляров разошлись в один месяц (чего никак не ожидал и сам Карамзин) — пример единственный в нашей земле. Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием. Древняя Россия, казалось, найдена Карамзиным, как Америка — Колумбом. Несколько времени ни о чем ином не говорили. Когда, по моему выздоровлению, я снова явился в свет, толки были во всей силе. Признаюсь, они были в состоянии отучить всякого от охоты к славе. Ничего не могу вообразить глупей светских суждений, которые удалось мне слышать насчет духа и слова *Истории* Карамзина...

У нас никто не в состоянии исследовать огромное создание Карамзина — зато никто не сказал спасибо человеку, уединившемуся в ученый кабинет во время самых лестных успехов и посвятившему целых 12 лет жизни безмолвным и неутомимым трудам. *Ноты Русской истории* свидетельствуют обширную ученость Карамзина, приобретенную им уже в тех годах, когда для обыкновенных людей круг образования и познаний давно окончен и хлопоты по

службе заменяют усилия к просвещению. Молодые якобинцы негодовали; несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутые верным рассказом событий, казались им верхом варварства и унижения. Они забывали, что Карамзин печатал *Историю* свою в России; что государь, освободив его от цензуры, сим знаком доверенности некоторым образом налагал на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умеренности. Он рассказывал со всею верностью историка, он везде ссылался на источники — чего же более требовать было от него? Повторяю, что «История государства Российского» есть не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека.

[Пушкин, 1951, т. 8, с. 66–68]

Вообще, Карамзин своей «Историей...» дал Пушкину не только материал для размышления о России, он подарил ему великого мыслителя в друзья. Пушкин, как известно, легко сходил-ся с людьми, но Чаадаев среди всех был неразменным золотым. У Карамзина в Царском Селе Пушкин познакомился с Чаадаевым. «Когда они впервые встретились у Карамзина в Царском Селе, Чаадаеву было года 22, Пушкину — 17: он еще учился в Лицее» [Гершензон, 2000, с. 131]. Поражительная встреча и дружба трех гениев. В 25 лет Пушкин создает великую трагедию «Борис Годунов» накануне дворянского бунта (декабристы), где Басманов говорит, что противники царя сильны «мнением народным». Этого мнения не было на стороне декабристов. Меж тем Чаадаев декабристов не одобрил. И Карамзин тоже. Более того, Карамзин простудился на Сенатской площади и вскоре умер. Декабристы обманули солдат, то есть народ, призвав выступить за царя Константина и его жену Конституцию, после чего сол-

Своего «Бориса Годунова» Пушкин начинает с посвящения Карамзину: «Драгоценной для россиян памяти Николая Михайловича Карамзина сей труд, гением его вдохновенный, с благоговением и благодарностию посвящает Александр Пушкин». К сожалению, эти слова приводятся не во всех изданиях

даты были расстреляны картечью, а декабрист Петр Каховский выстрелил в спину герою войны с Наполеоном, генерал-губернатору Петербурга графу Милорадовичу. Перед казнью остальные четверо не подали ему руки.

Поразительно, что П. Я. Чаадаев, которого ругают как ненавистника России, беспощадного западника, в Карамзине прежде всего оценил интеллектуального, духовного творца великой страны — России:

Что касается в особенности до Карамзина, то скажу тебе, что с каждым днем более и более научаюсь чтить его память. Какая была возвышенность в этой душе, какая теплота в этом сердце! Как здраво, как толково любил он свое отечество! Как простодушно любовался он его огромностию, и как хорошо разумел, что весь смысл России заключается в этой огромности! А между тем, как и всему чуждому знал цену и отдавал должную справедливость! Где это нынче найдешь? А как писатель, что за стройный, звучный период, какое верное эстетическое чувство! Живописность его пера необычайна: в истории же России это главное дело; мысль разрушила бы нашу историю, кистью одною можно ее создать.

[Чаадаев, 1991, т. 2, с. 133–134]

Впрочем, он и Пушкина очень ценил за его стих против Запада в защиту своей страны и государства «Клеветникам России» (1831), написав поэту, что отныне, можно сказать, у нас появился свой Данте. Пушкин выразил свою позицию очень жестко, с дантовской энергией, актуальность этого стихотворения и сегодня несомненна:

Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

[Пушкин, 1950, т. 3, с. 223]

Стихотворение обращено к депутатам парижского парламента, после поражения Наполеона все еще мечтавшим о реванше в борьбе с Россией. Поэтому они поддержали польское восстание, призывая восставших сражаться до последнего воина, способного держать в руках оружие, иными словами, до «последнего поляка». Впрочем, и в нынешнем конфликте России и Украины премьер-министр Польши Матеуш Моравецкий назвал поражение России «одновременно польским и европейским смыслом жизни».

При этом Карамзин вводит в русский язык новые понятия, взятые из Европы. Он создавал стихи, которым подражали его современники, он издавал журналы, в том числе (повторю это) переживший многие годы в разных обликах «Вестник Европы», который должен был дать русскому образованному обществу ориентир духовной жизни. Он модернизировал русскую лексику, дав ей слова от «промышленности» до «калош», хотя Шишков предлагал «мокроступы», а вместо «тротуара» — «топталище». Но язык русский в его почти нынешнем звучании создал Пушкин, который говорил о себе, что он ударил по наковальне русского языка и он зазвучал. Карамзин обогатил язык словами-кальками, такими как «впечатление», «влияние», «влюбленность», «трогательный» и «занимательный». Именно он ввел в обиход слова «сосредоточить», «моральный», «эстетический», «эпоха», «сцена», «гармония», «катастрофа», «будущность». Не есть ли это выступление против национального пафоса языка? Разумеется, нет. Как писал великий Владимир Соловьев,

русский язык — слишком большой барин, чтобы кому-нибудь навязываться; кто не хочет его узнать, тот сам в убытке. Никто не отрицает необходимости русского языка как государственного для всей Империи; но навязывание его населению вне государственных функций и официальных отношений неизбежно приводит в двум результатам: к враждебному отчуждению от всего русского и к укреплению и оживлению местных языков и наречий, даже там, где они сами по себе жизненной силы не имели.

[Соловьев, 1914, с. 10]

Пушкин, великий русский поэт, которому Чаадаев советовал писать на родном языке («Пишите мне по-русски; вы должны говорить только на языке своего призвания» [Переписка А. С. Пушкина, 1982, с. 273]), был последователем Карамзина в охотном и смелом заимствовании иностранных слов, нужных русскому человеку. Он прекрасно понимал необходимость обогащения языка, ничего не опасаясь, зная, как Европа много брала из латыни. И не стеснялся брать из Европы те слова, которые ему подходили. Как всегда иронично поэт написал об этом в «Евгении Онегине»:

В последнем вкусе туалетом
Заняв ваш любопытный взгляд,
Я мог бы пред ученым светом
Здесь описать его наряд;
Конечно б, это было смело,

Описывать мое же дело:
 Но панталоны, фрак, жилет,
 Всех этих слов на русском нет;
 А вижу я, винюсь пред вами,
 Что уж и так мой бедный слог
 Пестреть гораздо б меньше мог
 Иноплеменными словами,
 Хоть и заглядывал я встарь
 В Академический Словарь.

[Пушкин, 1950, т. 5, с. 20–21]

Он был против пуризма и писал Вяземскому (1–8 декабря 1823 года из Одессы в Москву): «...я желал бы оставить русскому языку некоторую библейскую похабность. Я не люблю видеть в первобытном нашем языке следы европейского жеманства и французской утонченности. Грубость и простота более ему пристали. Проповедую из внутреннего убеждения...» [Пушкин, 1951, т. 10, с. 76]. Тем более что французская утонченность не помешала состояться зверствам Французской революции. Именно после нее Карамзин задумался о преимуществах самодержавия. Даже радикал Радищев в ужасе писал: «О Франция! ты еще хождаеш близ Бастильских пропастей» [Радищев, 1938, с. 347].

Чаадаев написал на французском инвективу о России — первое «Философическое письмо». Оно было переведено, напечатано в журнале «Телескоп». Пушкину Чаадаев послал текст из журнала. Поэт, читавший «Письмо» в оригинале, перевод похвалил («Я доволен переводом: в нем сохранена энергия и непринужденность подлинника» [Переписка А. С. Пушкина, 1982, с. 289]), но переписка их шла по-французски. Но весь гениальный ответ-возражение Пушкина, погружающий проблематику спора в русскую историю, в значительной степени основан на «Истории...» Карамзина. В сущности, это дайджест «Истории...» Карамзина. Неслучайно поэт не отрываясь прочитал в 1818 году все первые тома, да и потом, занимаясь «Борисом Годуновым», он исходил из рассказа великого историка. Да и позиция Карамзина, утверждавшего величие России, вполне совпадала с выработавшимся мироощущением великого поэта. Это был завет Карамзина, который вполне воспринял Пушкин. И Пушкин пишет Чаадаеву, в сущности, предсмертное письмо, почти интеллектуальное завещание:

Пробуждение России, развитие ее могущества, ее движение к единству (к русскому единству, разумеется), оба Ивана, величественная драма, начавша-

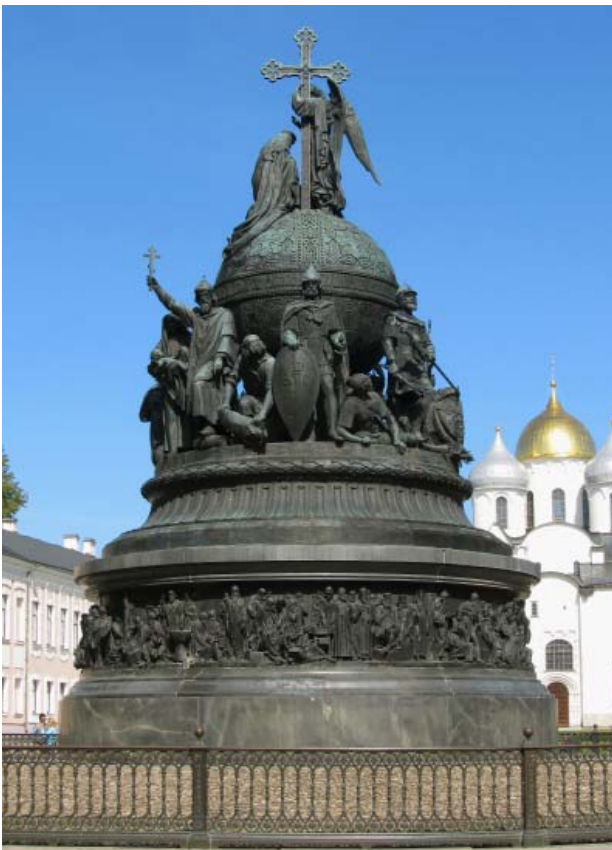
яся в Угличе и закончившаяся в Ипатьевском монастыре, — как, неужели все это не история, а лишь бледный и полузабытый сон? А Петр Великий, который один есть целая всемирная история! А Екатерина II, которая поставила Россию на пороге Европы? А Александр, который привел вас в Париж?.. Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человек с предрассудками — я оскорблен, — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал.

[Там же]

Карамзин, можно сказать, закрепил русскую историю в слове, создав тем самым основу для размышлений русских людей. Великий русский государственный и консерватор Михаил Катков считал русского европейца Карамзина воплощением подлинной русскости:

Он был русский не только по рождению, но и по чувству; всю жизнь свою и деятельностью, столь плодотворною, принадлежит он России. Но в своем качестве русского он был человек, и ничто человеческое не считал себе чуждым, он был сын всемирной цивилизации. Качество русского и качество европейца не были в нем двумя чуждыми, друг друга не знавшими силами

или двумя противными тяготениями; они не только не ссорились в нем, не только не отнимали друг у друга места, но были, как и следует, одною и тою же силой, и он был весь русский в своем ев-

ропейском качестве, он был весь европеец в своем русском чувстве. Он сходил во глубины нашего прошедшего, из забытых архивов воскресил он для русского народа память его давнего, темного минувшего; но он остался сыном своей эпохи, и корни прошедшего любил он в цвете настоящего. Никто из его сверстников не сделал так много для русской народности, но он не был доктринером какой-либо народной школы. Кто более его любил Россию, кто был ревнивее к ее достоинству, величию и чести? В ком чаще и сильнее горело святое пламя патриотизма? И, однако, никто из современных ему деятелей не был более его предметом слепой вражды доктринеров народности, полагавших ее силу в скованных ими самими *шаропихах* и *мокроступах*? В нем жило на все отзывавшееся поэтическое чувство, и в то же время он был высоко одарен здравым смыслом действительности, и воображение мирилось в нем с ясностью трезвого разума. В век вольнодумства и отрицания он был христианин, искренно и глубоко убежденный, но религиозное чувство было свободно в нем от фанатизма и нетерпимости, и он умел отличать существенное от случайного, внутреннее от внешнего. Человек светского образования, он являет собою поучительный пример постоянного, упорного и усидчивого труда; не будучи ученым ни по приготовлению, ни по призванию, он в себе являет нам образец исследователя, который не останавливается пред трудностям, и это в то время, когда дело науки в России было еще так скудно и слабо. Он был писатель, доведивший свое выражение до классической оконченности. Он был политическим деятелем, хотя и не находился на официальных поприщах государственной службы. Несмотря на то, что его время представляло мало условий для политического образования, он обладал удивительно зрелым политическим умом, который он воспитал и укрепил своими историческими изучениями.

[Катков, 1866]

В заключение статьи хочу привести соображение Мераба Мамардашвили о роли слова в русской культуре:

Можно ли, например, спрашивать о Достоевском, вдохновлялся ли он любовью к Родине, любил ли ее, или о Толстом, заставляя их после смерти расписываться в верноподданности своих патриотических чувств. По-моему, это нелепые вопросы. Дело в том, что такие люди сами и были Россией, *возможной* Россией. Для меня это несомненно. Во-первых, мыслитель, художник, как и во времена Чаадаева, так и сейчас, обязан только правдой своему Отечеству. Но оставим это. Говоря о рождении из творчества писателей целой страны, Рос-

сии, я имел в виду русскую литературу XIX в. как словесный миф России, как социально-нравственную утопию. Это попытка родить целую страну «чрез звуки лиры и трубы», как говорил Державин, — из слова, из смыслов, правды.

[Мамардашвили, 1992, с. 187]

И русским мыслителям — Карамзину, Пушкину, Чаадаеву — удалось это сделать. Все, что последовало далее, было результатом их невероятной инициативы.

Список источников

Гершензон М. О. Избранное. М.: Университетская книга; Иерусалим: Gesharim, 2000. Т. 1: Мудрость Пушкина. 588 с.

Глинка Ф. Н. Мои воспоминания о незабвенном Н. Мих. Карамзине // *Глинка Ф. Н.* Письма к другу. М.: Современник, 1990. С. 443–449.

Императрица Екатерина II. О величии России. М.: ЭКСМО, 2003. 832 с.

Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении. М.: Наука, 1991. 125 с.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Калуга: Золотая аллея, 1993. Т. I–IV. 560 с.

Карамзин Н. М. Нечто о науках, искусствах и просвещении // *Карамзин Н. М.* Избранные сочинения: в 2 т. М.-Л.: Худож. лит., 1964. Т. 2. С. 122–142.

Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости // *Карамзин Н. М.* О любви к Отечеству и народной гордости. М.: Институт русской цивилизации, 2013. С. 194–203.

Карамзин Н. М. Остров Борнгольм // *Карамзин Н. М.* Избранные сочинения: в 2 т. М.-Л.: Худож. лит., 1964. Т. 1. С. 661–673.

Карамзин Н. М. Письма русского путешественника. Л.: Наука, 1984. 717 с. (Лит. памятники).

Катков М. Н. Значение Карамзина для России (По поводу столетия со дня его рождения). Москва, 1 декабря 1866 // *Московские Ведомости.* 1866. 2 декабря. № 254.

Лотман Ю. М. Сотворение Карамзина. М.: Книга, 1987. 336 с.

Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. 2-е изд. М.: Прогресс-Культура, 1992. 414 с.

Переписка А. С. Пушкина: в 2 т. / ред. К. И. Тюнькин и др. М.: Худож. лит., 1982. Т. 2. 575 с. (Переписка русских писателей).

Платонов С. Ф. Слово о Н. М. Карамзине (1911) // *Платонов С. Ф.* Собрание сочинений: в 6 т. М.: Наука, 2012. Т. 3: Статьи по русской истории 1883–1917 годов. С. 373–378.

Пушкин А. С. Барышня-крестьянка // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 6: Художественная проза. С. 145–170.

Пушкин А. С. Евгений Онегин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 5: Евгений Онегин. Драматические произведения. С. 5–213.

Пушкин А. С. Карамзин // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 8: Автобиографическая и историческая проза. С. 66–69.

Пушкин А. С. Клеветникам России // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 3: Стихотворения. 1827–1836. С. 222–223.

Пушкин А. С. Медный всадник // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 4: Поэмы. Сказки. С. 375–398.

Пушкин А. С. О ничтожестве литературы русской // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951. Т. 7: Критика и публицистика. С. 306–314.

Радищев А. Н. Путешествие из Петербурга в Москву // Радищев А. Н. Полное собрание сочинений: в 3 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1938. Т. 1. С. 225–392.

Соловьев В. С. Воскресные письма // Соловьев В. С. Собрание сочинений: в 10 т. 2-е изд. СПб.: Книгоиздательское т-во «Просвещение», 1914. Т. 10. С. 3–80.

Чаадаев П. Я. А. И. Тургеневу (1838) // Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. М.: Наука, 1991. Т. 2. С. 131–134.

Чаадаев П. Я. Философические письма // Чаадаев П. Я. Полное собрание сочинений и избранные письма: в 2 т. М.: Наука, 1991. Т. 1. С. 320–440.

Чернышевский Н. Г. Апология сумасшедшего // Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений: в 15 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1950. Т. 7: Статьи 1860–1861 годов. С. 592–618.

References

Gershenzon, M. O. (2000) *Izbrannoe. Tom 1: Mudrost' Pushkina [Selected. Vol. 1: Pushkin's Wisdom]*. Moscow: Universitetskaya kniga [University Book]; Ierusalim: Gesharim.

Glinka, F. N. (1990) “Moi vospominaniya o nezabvennom N. Mikh. Karamzine” [“My Memories of the Unforgettable N. Mih. Karamzin”], in Glinka, F. N. *Pis'ma k drugu [Letters to a Friend]*. Moscow: Sovremennik Publ., pp. 443–449.

Imperatrictsa Ekaterina II (2003) *O velichii Rossii [About the Greatness of Russia]*. Moscow: EKSMO.

Karamzin, N. M. (1991) *Zapiska o drevnei i novoi Rossii v ee politicheskom i grazhdanskom otnosheniyakh [A Note on Ancient and New Russia in its Political and Civil Relations]*. Moscow: Nauka Publ.

Karamzin, N. M. (1993) *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo. Tom I–IV* [The History of the Russian State. Vol. I–IV]. Kaluga: Zolotaya alleya [Golden Alley].

Karamzin, N. M. (1964) “Nechto o naukakh, iskusstvakh i prosveshchenii” [“Something about Sciences, Arts and Enlightenment”], in Karamzin, N. M. *Izbrannye sochineniya: v 2 tomakh. Tom 2* [Selected Works: 2 vols. Vol. 2]. Moscow-Leningrad: Khudozhestvennaya literatura [Fiction], pp. 122–142.

Karamzin, N. M. (2013) “O lyubvi k Otechestvu i narodnoi gordosti” [“On Love for the Fatherland and National Pride”], in Karamzin, N. M. *O lyubvi k Otechestvu i narodnoi gordosti* [On Love for the Fatherland and National Pride]. Moscow: Institut russkoi tsivilizatsii [Institute of Russian Civilization], pp. 194–203.

Karamzin, N. M. (1964) “Ostrov Borngol’m” [“Bornholm Island”], in Karamzin, N. M. *Izbrannye sochineniya: v 2 tomakh. Tom 2* [Selected Works: 2 vols. Vol. 1]. Moscow-Leningrad: Khudozhestvennaya literatura [Fiction], pp. 661–673.

Karamzin, N. M. (1984) *Pis'ma russkogo puteshestvennika* [Letters of a Russian Traveler]. Leningrad: Nauka Publ.

Katkov, M. N. (1866) “Znachenie Karamzina dlya Rossii (Po povodu stoletiya so dnya ego rozhdeniya). Moskva, 1 dekabrya 1866” [“The Significance of Karamzin for Russia (On the occasion of the centenary of his birth). Moscow, December 1, 1866”], *Moskovskie Vedomosti*, 254, 2 December.

Lotman, Yu. M. (1987) *Sotvorenie Karamzina* [The Creation of Karamzin]. Moscow: Kniga Publ.

Mamardashvili, M. K. (1992) *Kak ya ponimayu filosofiyu* [How I Understand Philosophy]. 2nd edn. Moscow: Progress-Kul'tura Publ.

Tyun'kin, K. I. et al. (eds) (1982) *Perepiska A. S. Pushkina: v 2 tomakh. Tom 2* [Correspondence of A. S. Pushkin: 2 vols. Vol. 2]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura [Fiction].

Platonov, S. F. (2012) “Slovo o N. M. Karamzine (1911)” [“The Word about N. M. Karamzin (1911)”], in Platonov, S. F. *Sobranie sochinenii: v 6 tomakh. Tom 3: Stat'i po russkoi istorii 1883–1917 godov* [Collected Works: 6 vols. Vol. 3: Articles on Russian History 1883–1917]. Moscow: Nauka Publ., pp. 373–378.

Pushkin, A. S. (1950) “Baryshnya-krest'yanka” [“Young Lady-Peasant Woman”], in Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 tomakh. Tom 6: Khudozhestvennaya proza* [Complete Works: 10 vols. Vol. 6: Fiction]. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR [Publishing House of the USSR Academy of Sciences], pp. 145–170.

Pushkin, A. S. (1950) “Evgenii Onegin” [“Eugene Onegin”], in Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 tomakh. Tom 5: Evgenii Onegin. Dramaticheskie proizvedeniya* [Eugene Onegin. Dramatic Works]. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR [Publishing House of the USSR Academy of Sciences], pp. 5–213.

Pushkin, A. S. (1951) “Karamzin”, in Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 tomakh. Tom 8: Avtobiograficheskaya i istoricheskaya proza* [Complete Works: 10 vols. Vol. 8: Autobiographical and Historical Prose]. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR [Publishing House of the USSR Academy of Sciences], pp. 66–69.

Pushkin, A. S. (1950) “Klevetnikam Rossii” [“Slanderers of Russia”], in Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 tomakh. Tom 3: Stikhotvoreniya. 1827–1836* [Complete Works: 10 vols. Vol. 3: Poems. 1827–1836]. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR [Publishing House of the USSR Academy of Sciences], pp. 222–223.

Pushkin, A. S. (1950) “Mednyi Vsadnik” [“The Bronze Horseman”], in Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 tomakh. Tom 4: Poemy. Skazki* [Complete Works: 10 vols. Vol. 4: Poems. Fairy Tales]. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR [Publishing House of the USSR Academy of Sciences], pp. 375–398.

Pushkin, A. S. (1951) “O nitchtozhestve literatury russkoi” [“About the Insignificance of Russian Literature”], in Pushkin, A. S. *Polnoe sobranie sochinenii: v 10 tomakh. Tom 7: Kritika i publitsistika* [Complete Works: 10 vols. Vol. 7: Criticism and Journalism]. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR [Publishing House of the USSR Academy of Sciences], pp. 306–314.

Radishchev, A. N. (1938) “Puteshestvie iz Peterburga v Moskvu” [“Journey from St. Petersburg to Moscow”], in Radishchev, A. N. *Polnoe sobranie sochinenii: v 3 tomakh. Tom 1* [Complete Works: 3 vols. Vol. 1]. Moscow-Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR [Publishing House of the USSR Academy of Sciences], pp. 225–392.

Solov'ev, V. S. (1914) “Voskresnye pis'ma” [“Sunday Letters”], in Solov'ev, V. S. *Sobranie sochinenii: v 10 tomakh. Tom 10* [Complete Works: 10 vols. Vol. 10]. 2nd edn. St. Petersburg: Knigoizdatel'skoe tovarishchestvo “Prosveshchenie” [Book Publishing Partnership “Education”], pp. 3–80.

Chaadaev, P. Ya. (1991) “A. I. Turgenevu (1838)” [“To A. I. Turgenev (1838)”], in Chaadaev, P. Ya. *Polnoe sobranie sochinenii i izbrannye pis'ma: v 2 tomakh. Tom 2* [Complete Works and Selected Letters: 2 vols. Vol. 2]. Moscow: Nauka Publ., pp. 131–134.

Chaadaev, P. Ya. (1991) “Filosoficheskie pis'ma” [“Philosophical Letters”], in Chaadaev, P. Ya. *Polnoe sobranie sochinenii i izbrannye pis'ma: v 2 tomakh. Tom 1* [Complete Works and Selected Letters: 2 vols. Vol. 1]. Moscow: Nauka Publ., pp. 320–440.

Chernyshevskii, N. G. (1950) “Apologiya sumasshedshego” [“The Apology of the Madman”], in Chernyshevskii, N. G. *Polnoe sobranie sochinenii: v 15 tomakh. Tom 7: Stat'i 1860–1861 godov* [Complete Works: 15 vols. Vol. 7: Articles of 1860–1861]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury [State Publishing House of Fiction], pp. 592–618.

Информация об авторе: В. К. Кантор — доктор философских наук, ординарный профессор, главный научный сотрудник, заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога, главный редактор журнала «Философические письма. Русско-европейский диалог». Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ). Адрес: Российская Федерация, 105066, Москва, ул. Старая Басманная, д. 21/4, каб. 215.

Information about the author: V. K. Kantor — DSc in Philosophy, Full Professor, Chief Research Fellow, the Head of International Laboratory for the Study of Russian and European Intellectual Dialogue, Editor-in-Chief of the journal “Philosophical Letters. Russian and European Dialogue”. National Research University “Higher School of Economics” (HSE University). Address: 215, 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.02.2023;
одобрена после рецензирования 01.03.2023;
принята к публикации 10.03.2023.

The article was submitted 10.02.2023;
approved after reviewing 01.03.2023;
accepted for publication 10.03.2023.